

Ваан Терьян

Золотая сказка

eMatenadaran.

Ваан Терьян
Золотая сказка

«Aegitas»

Терьян В.

Золотая сказка / В. Терьян — «Aegitas»,

Терьян последовательно использовал и довел до совершенства принцип поэтических циклов. Представляя различные психологические переживаниями теряновские циклы («Грезы сумерек», «Ночь и воспоминания», «Золотая сказка», «Возвращение», «Кошачий рай») вместе создают целостную систему внутренней жизни лирического героя. Целью жизни поэта становится постоянный и бессмертный поиск любви, символизирующей право на жизнь. Поэзия Терьяна с ее тончайшим лиризмом, проникновенностью чувств, исключительной музыкальностью и богатством языка — крупнейшее явление в истории армянской литературы.

© Терьян В.

© Aegitas

Содержание

ОТРЫВОК	5
СУМЕРКИ	9
ВЕСЕННИЙ ВЕЧЕР	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Ваан Терьян

Золотая сказка

ОТРЫВОК

С истерзанной душою, одинокий
В угрюмом этом мире, я присел
На скорбном пепелище, у дороги,
Невесть куда ведущей, посреди
Осенних увядающих цветов,
На стынущую землю, под тяжелым,
Насупленным, унылым, низким небом,
Дождями исходящим;
Я позабыл тщету своих забот,
Бессмысленную суету былого,
Никчемные, нелепые желанья —
Шипы и розы этого пути
Я предал смерти, навсегда отринул,
Замятовал; жизнь как не была...
И ночь непроницаемая снова
Простерла надо мной свои крыла.

Мечты о светлой и святой любви,
И давешнее упованье счастья,
И долгие мучительные ночи
Во мраке безнадежного ненастья
Раз навсегда чужими показались,
Чужими показались...
Ничто, ничто не утешало сердца:
Ни жажда славы и ни бремя власти,
Ни деньги, ни возвышенные страсти,
Ни тяга к наслажденьям, ни святая
Томительная боль
Страдания и самоотверженья.
И все вокруг поблеклым и движенья
Лишенным, ненадежным, точно дым,
Невыносимо скучным и пустым
Мне показалось.
И все навеки сделались и чужды,
И далеки необратимо,
И в сердце – камень, тяжкий и холодный,
И мир что камень, тягостный, бесплодный,
И мысли были тяжелы, как гири,
И небо плакало, и плакал я.
И в чуждом и холодном этом мире,
Отвергнутый, опустошенный,

Я сам себе – угрюм и недвижим —
Вдруг показался чуждым и чужим,
А слезы, собственные слезы —
Издевкой обернулись.
Да, я плакал,
Но что творится с собственной душой,
Улавливал и видел, как чужой.
И мрак лежал окрест меня, и в сердце
Моем обманутом опять сгустилась ночь,
Холодная, тяжелая, что камень,
И горькая, и мне уже помочь
Никто не мог,
И не искал я в отдалении свет.
Никто не ведал, сколько я вкусил
Печалей, бед.
И мир был нем – отныне и навеки, —
И я лежал, заблудший и без сил,
Один – необратимо, безвозвратно,
Безвестный, безымянный, в глухомани...
«О вечная свобода, – еле слышно
Сухие губы вымолвили, – смерть!»
И этот шепот вовсе не был горек.
К земле прижавшись, жаждал испытать я —
Земля откроет мне свои объятия
И ласкою неживой приласкает,
И страшное дыхание могилы
Мне показалось сладостным, как будто
Оно дыханьем материнским было,
Когда еще дремал я в колыбели
И надо мною, полные любви,
Звенели песни мамины, звенели...
«Смерть», – я шепнул, и приняла душа
Ее с любовью, словно слезы мамы,
Сочувственные, нежные.
И сила,
Неведомая мне, перенесла
Меня в такие дальние края,
Где и во сне ни разу не был я,
И все забыл я в том краю далеком,
Чужом, невозвратимом...

И тьма с легчайшей ласкою укрыла
Меня в каком-то царстве потайном.
Жизнь показалась долгой, длиннокрылой,
Печальной грезой, бесконечным сном,
И поцелуем отроческим давним,
И песенкою детской, у которой
Названия нет...
И радость, охватившая меня,

Мне показалась грозной, данной свыше,
Как если б день сполохами огня
Во мне зажегся.

И легкой обернулась жизнь земная,
Как ручеек, сбегаящий с горы,
И как ряды весенних облаков,
Не знающих ни горя, ни хандры.
И так был ярок этот новый свет,
Как будто только в нынешнем живу я,
А прошлого и будущего нет.
Мне показалось, что другое сердце
Мою беду переживает, горе
Баюкает мое, и напевает
Утешные слова, и навевает
Успокоенье в непрестанном споре
С невзгодами.

Мне показалось, что совсем другой
О радости мечтает неподдельной,
И слушает мой плач, и колыбельной
Ласкает слух, и в брэнном бытии
Мои печали и мои заботы
Своей душою ласковой и нежной
И доброю
Объемлет, как свои.

И вскрикнул я легко и просветленно,
И всей душой исторг благословенье
Камням и водам, небу и земле,
И сплел его с высокой песней звездной,
И вечности с отрадой и любовью
Я отдал жизнь свою.
О вечность, вечность...

* * *

Расстелена здесь лучезарная ткань...
Прозрачна, нежна, неизвестно откуда...
И я онемел – прикоснувшийся к чуду:
О, где же меж явью и грезами грань?

И вот мне открылась иная страна,
Ее золотым околдован я взглядом,
И я осенен лучезарным нарядом,
Любовью иной напоен допьяна.

Распахнуто сердце мое перед ней —
Оно пронзено золотыми лучами,
Пронизано солнцем – и скрылись печали,
И сам я иной – до скончания дней...

* * *

Озарила и ночь, и бескрайний
Мир поблеклый, и мыслей разлад.
Преисполнен был солнцем и тайной
Этот ясный ликующий взгляд.

И огонь осветил бездорожье
Жизни суетной, скудость и тьму —
Показалось все сказкой и ложью,
Сам не знаю, когда, почему.

Убаюкала речью утешной,
И простор засиял, заиграл,
Словно здесь, на земле нашей грешной,
Мне послышался звездный хорал.

Улыбнулась улыбкой приветной,
Одарила во мраке огнем
И умолкла. И мир беспросветный
Обернулся несбыточным сном.

СУМЕРКИ

Лука окутал сумрак-чародей.
Мир сызнава глубок и неогляден.
Луна взошла над гомоном людей,
Над тишиной ущелий, рек и впадин.

И звездные лучи – игла к игле —
В холодных водах призрачно блистают,
И зыблются в волшебной полумгле,
И золото окрест себя сплетают...

Ты слышишь эту песню, все нежней
Звучащую повсюду, отовсюду
И гаснущую в россыпях камней,
Мешая явь с мечтой, подобной чуду?

Ты слышишь эту песню, в никуда
Летящую, печали сладкой внемля,
Когда от счастья плачешь и когда
Благословляешь небо, воду, землю?

* * *

Речь твоя глубока и прозрачна,
А улыбка проста и легка,
И не хмурюсь я более мрачно,
И печаль от души отлегла.

Ты приемлешь весь мир этот бренный:
«Он прекрасен и благословен!»
И приходит покой вдохновенный
Угнетающим думам взамен.

Но сдается: теплом и приветом
Мне не ты даровала покой
И, другим околдованный светом,
Не к тебе я взываю – к другой.

ВЕСЕННИЙ ВЕЧЕР

Небо лазорево и неоглядно.
Птаха парит горделиво, лениво
И простирает крыла.
Кто-то невидимый быстро и ладно
Золото сеет и жемчуг, и нива
Синью небес расцвела.

Сердце безмолвно в томительной муке.
И среди этой лазури и сини,
Робкою страстью маня,
Трепетно тянутся девичьи руки...
Тишь... Ибо сладостных песен отныне
Нет для любви у меня.

* * *

Мне ежевечерне, непрестанно
Сердце несказанной мукой гложет
То ли небыль, то ли тайна, тайна...
Ну а может и не тайна, может,
Это явь, но в мареве сквозном
Ставшая и тайною, и сном...

* * *

Ты жизнь отражаешь – о да! —
Своим сердоликовым взглядом.
Душа твоя всюду, всегда
С моею по-сестрински рядом.

Как нежны слова твои, как
Звучат они просто и зыбко!
Ведет меня, словно маяк,
Тревожная эта улыбка.

И ласка, которой все нет,
И музыка грусти осенней,
И чистый, застенчивый свет
Волнений твоих и сомнений.

Бог весть, где ты нынче. И все ж
Везде ощущаю счастливо
И губ твоих легкую дрожь,
И взгляд золотого отлива.

Ты тенью заходишь в мой дом,
Сжимаешь мне сердце ночами,
Печалишь меня, а потом
Мои утоляешь печали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.